

объясняли их аллегорически; платоники признавали, что Бог един, посредниками же между ним и людьми являются «демоны» разных названий; последователи же Эвгемера не признавали легенд о богах, говоря, что Юпитер, Сатурн и т. д. были цари на земле, о которых сохранились рассказы. Таким образом общество колебалось между суеверием, вкоренившимся в простом народе, и философскими школами. Тем с большою радостью приняло оно христианское учение, предложенное ему готовым, твердым и цельным и удовлетворительно разрешавшее все мучившие его тогда религиозные вопросы. «Философия поставила величайшие задачи и не разрешила их; религия возбудила умы, но не удовлетворила их». По словам Пруденция, «Христос мог придти, ибо пути Ему были уготованы». Объем книги позволил автору коснуться многих вопросов, имеющих отношение к его теме; так он подробно рассматривает положение женщины в Риме, утверждая, что несмотря на законы, весьма ограничивавшие ее права, она в силу обычая еще до Р. Х. уже пользовалась в Риме образованием и большою свободой; доказывает относительную сносность положения рабов, отрицая, чтобы кто-нибудь в древности требовал уничтожения рабства; наконец, подробно разбирает «похоронные коллегии» и другие ассоциации римских граждан, признавая ассоциации солдат наиболее близкими к нашим благотворительным обществам.

Перевод книги очень хорош, и она легко читается и не специалистами.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-207-213

© В. Н. Быстров

А. А. БЛОК И ВЛ. В. ГИППИУС: ЗАВЕРШЕНИЕ ОДНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ

Хронология стихотворного диалога двух поэтов четко прослежена в мемуарах Владимира Гиппиуса «О Блоке, что помню», опубликованных в 2003 году А. М. Грачевой и О. А. Линдеберг. Следует отметить, что во вступительной статье к публикации затронуты существенные моменты этого обмена посланиями.¹

Предваряя содержание диалога, необходимо обратить внимание на то, что Вл. Гиппиус изначально выступал в статусе своего рода духовного наставника, учителя. Не случайно Зинаида Гиппиус в посвященном ему стихотворении «Псалмопевцу» (1912) писала: «О тайнах подземных и звездных / Поешь ты в пустынной тиши...».² Поэт ощущал себя обладателем неких сокровенных истин, едва ли не пророком. В одном из стихотворений неопубликованного сборника «Затмения звезд» он, в частности, утверждал: «Срываю медленно туман судьбы / И вижу всё, что непременно будет... <...> Предсказывать — всё знать, всё знать заранее — / О, Боже мой, какая тягота! <...> Открылась мне великая бескрайность; / Теперь ясна мне дней необычайность...».³

Как известно, исходным импульсом для Вл. Гиппиуса послужило стихотворение Блока «Всё на земле умрет — и мать, и младость...», написанное в 1909 году: «Как-то весной (1912), — вспоминал он, — я послал ему (Блоку. — В. Б.) свое возражение

¹ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню / Предисловие, публ. и комм. А. М. Грачевой и О. А. Линдеберг // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 48–51. См. также: Блок в поэзии его современников / Вступ. статья и публ. Ю. М. Гельперина // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3. С. 542–543, 553–554.

² Цит. по: Гиппиус З. Н. Сочинения. Стихотворения. Проза / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. К. М. Азадовского, А. В. Лаврова. Л., 1991. С. 171.

³ ИРЛИ. Ф. 79 (Р. В. Иванов-Разумник). Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 6, 7.

в стихах — со стороны оптимизма — на его формулу в стихах — пессимизма».⁴ «Формулу пессимизма» Вл. Гиппиус усмотрел в заключительной строфе:

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было *здесь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.⁵

Усеченную последнюю строку четверостишия Вл. Гиппиус взял в качестве эпиграфа. Его стихотворное «возражение» исходило именно из этого блоковского постулата:

Александру Блоку

...Оттуда ринутся лучи.

Ты думаешь — они оттуда ринутся?
Мне кажется, что — нет:
Но в час назначенный все опрокинуты —
Все зримые в незримый свет —

Незримый свет, который в зримом стелется,
Струится и молчит;
Он вдруг заговорит, — и всё изменится,
Всё неизменное в истоме лет!

Ты понял ли, что всё уже известное
Лишь неизвестно нам, —
Что мы идем в стране уже прелестной,
Но горестной очам,

Что мы струимся в самом сердце мира, —
Но мир еще не наш...
Что мы заждались в самом буйстве пира
Заветных чаш!

1912. Февраль⁶

Этот текст был опубликован первым в составе «поэтического диалога» между Вл. Гиппиусом и Блоком в журнале «Гиперборей». Вл. Гиппиус как бы размышлял в координатах соловьевского и блоковского «двоемирия»: «здесь» и «там», «всё видимое нами / Только отблеск, только тени от незримого очами» (из стих. Вл. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...», 1892).⁷ Но он убеждал Блока в том, что мир уже весь пронизан чудесными, но незримыми пока лучами, неземным светом. Не нужно их ждать «оттуда». Примечателен сходный образ в стихотворении Ахматовой «Помолись о нищей, о потерянной...», также опубликованном в «Гиперборее»:

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?⁸

⁴ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 63.

⁵ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 128.

⁶ Гиперборей. 1912. [Вып.] II. Ноябрь. С. 3.

⁷ Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. статья, сост. и прим. З. Г. Минц. Л., 1974. С. 93 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁸ Гиперборей. 1912. [Вып.] I. Октябрь. С. 5. Ср. близкую по семантике строку из стихотворения Гумилева «Фра Анжелико»: «И здесь есть свет, и там иные светы» (Там же. С. 11).

Образ «заветных чаш», возможно, восходит к «Чаше жизни» Лермонтова (1831): «Мы пьем из чаши бытия / С закрытыми очами, / Златые омочив края / Своими же слезами... / <...> Тогда мы видим, что пуста / Была златая чаша, / Что в ней напиток был — мечта, / И что она — не наша».⁹

Поэт, вспоминал Вл. Гиппиус, «отозвался — тогда же — ответным посланием со стороны пессимизма — пущего. По почте».¹⁰ Этим посланием явилось стихотворение «Владимиру Бестужеву. Ответ», в котором Блок, казалось бы, соглашался с ним:

Владимиру Бестужеву. Ответ

Да, знаю я: пронзили ночь отвеса
Незримые лучи.
Но меры нет страданию человека,
Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне — мир прекрасен,
(Я знал Тебя, Любовь!).
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как кровь!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

Март 1912 г.¹¹

А. М. Грачева и О. А. Линдеберг справедливо отметили подспудную связь этого текста со стихотворением Пушкина «Странник» (1835), в котором фигурирует образ «некоего света», обещавшего «спасенья верный путь», а также со статьей Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910).¹²

Почему Вл. Гиппиус почувствовал в стихотворении еще больший пессимизм? Видимо, ему показалось, что Блок упорно не верит в метафизический божественный свет, в слияние в реальности двух разных миров.

Вл. Гиппиус решил продолжить полемику: «Я ответил длиннейшим поучением в стихах. По почте же».¹³ Подразумевается цикл из четырех стихотворений под названием «Александру Блоку. Ответ», созданный в апреле 1912 года. В первом из них («Таинственно люблю — и знаю сладость в розах...») он уверял:

<...>
И есть призыв в лесах, смолою пьяных,
Напев — в твоих стихах:
Всё — как в любви, — всё в золотых туманах
И золотых ручьях!

⁹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 211 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁰ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 63.

¹¹ Гиперборей. 1912. [Вып.] П. Ноябрь. С. 3.

¹² Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 49–50.

¹³ Там же. С. 63.

Я осязаю мир так явственно и властно,
 Так чувственно — до дна,
 Что — вот сгорю в одной мечте бесстрашной —
 От счастья и вина...
 <...>
 Что — вот умру в одном порыве к счастью,
 Задуманном не мной!¹⁴

Залог оптимизма поэта — в вере в предустановленную гармонию, дарованную свыше.

Во втором стихотворении («Да, все признать! и безрассудно верить...») возникают мотивы возвышенного стоицизма:

Да, все признать! и безрассудно верить,
 Что есть обет во всем.
 Да, все принять — и не считать потери,
 Теряя день за днем!
 <...>
 Все дни забыть — и иступленно плакать
 В ночную темноту, —
 И быть слезой испытанного мрака,
 Сияющей в мечту!¹⁵

Но это было близко и мироощущению Блока. Недаром он высоко ценил стихотворение Тютчева «Два голоса»: «Тревога и труд лишь для смертных сердец... / Для них нет победы, для них есть конец».¹⁶ «Смысл трагедии — БЕЗНАДЕЖНОСТЬ борьбы, но тут нет отчаяния, вялости, опускания рук. Требуется высокое посвящение».¹⁷

В третьем стихотворении («Но мы забыли чувственную прелесть...») Вл. Гиппиус, по сути, невольно повторяет постулат из блоковского стихотворения; у Блока: «Да, знаю я, что в тайне — мир прекрасен...»; у Гиппиуса:

Но мы забыли чувственную прелесть,
 Завещанную нам,
 И — что в страстях людских иная цель есть,
 Неявная умам;
 <...>
 Мы раздвоили внутреннюю цельность
 Навек — лучей и тьмы...
 Но есть во всем иная безраздельность, —
 И безраздельны мы!¹⁸

Это стремление к гармонии, внутреннему равновесию, которые изначально присущи природе, мирозданию.

В заключительном стихотворении («Да, всё признать!.. любить с тоской страстной...») Гиппиус уверял «ослепшего в ночи» страдающего поэта:

Ты не ослеп — ты зарыдал в метелях, —
 Ты встретишь ночь в звездах!¹⁹

«Ночь в звездах» — один из важнейших символических образов в лирике Вл. Гиппиуса. Так назван его сборник, вышедший в 1917 году. Еще Н. К. Гудзий в конце

¹⁴ Гиперборей. 1912. [Вып.] II. Ноябрь. С. 5–6.

¹⁵ Там же. С. 6.

¹⁶ Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 178 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁷ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 89.

¹⁸ Гиперборей. 1912. [Вып.] II. Ноябрь. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 8.

1920-х годов указал первоисточник этого образа: стихотворение Тютчева «Не то, что мните вы, природа...» (1836): «Лучи к ним в душу не сходили, / Весна в груди их не цвела, / При них леса не говорили / И *ночь в звездах* нема была».²⁰ Знаменательны в данном контексте строки стихотворений из упомянутого выше сборника Вл. Гиппиуса «Затмения звезд»: о поэте — «Ты должен, для того чтоб петь, / Лететь на крыльях ночи звездной!»; о Боге — «Дышит в небе ночная звезда, / Блещет тайна Твоя золотая...».²¹ Подобное восприятие макрокосма отражено, к примеру, в стихотворении Вяч. Иванова «Звездное небо» (1889):

Сердце ж алчет части равной
В тайне звезд и в тайне дна:
Пламенеет и пророчит,
И за вечною чертой
Новый мир увидеть хочет
С искупленной Красотой.²²

Владимир Васильевич считал свои послания Блоку оптимистичными поучениями. Парадокс заключается в том, что как раз в этом переломном для него 1912 году он сам мучительно раздваивался, боролся с неверием, с пессимизмом.

На мой взгляд, Блок не усмотрел в стихах своего оппонента существенных возражений и счел поэтический диалог исчерпанным. «На это возражение он уже не ответил», — констатировал Гиппиус.²³ Но в качестве завуалированного ответа он воспринял надпись на подаренной ему книге. «А я ждал. И — дождался. Осенью — через моего младшего брата Васю — он передал мне только что вышедшее собрание своих стихотворений с надписью: „Вл<адимиру> Васильевичу:

И усыпительно, и сладко
Поет незвучная вода, —
Что сон ночной, что сумрак краткий —
Не навсегда, не навсегда...

Блок“

Четверостишие было взято из книги моих стихов „Возвращение“²⁴ — незадолго до того посланных мною Блоку. (По почте — опять же). Но я думаю, что понял верно эту выписку из моей книги — на Собрании его стихотворений — как ответ — на мое второе весеннее поучение.

И опять Мережковский же говорил, что моя книга стихов ему понравилась: „Благородная скука...“ Стало быть, Блок попрекнул меня моим <четверостишием?> — в ответ на второе поучение. <...> А меня еще раз подмыло — возражать Блоку на один из его новых пессимизмов <...> — в „Сирине“.²⁵

²⁰ Гудзий Н. К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1930. Т. 3. № 2. С. 526. Данная строфа послужила эпиграфом к разделу «Посвящение» в сборнике «Ночь в звездах» (Пг., 1917. С. <7>).

²¹ ИРЛИ. Ф. 79 (Р. В. Иванов-Разумник). Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 41 об., 52 об. Ср. в стихотворении Вл. Гиппиуса «Когда я прав, когда я прав, о Боже...» (1912): «Мне говорят — зачем ты в мире любишь / Лишь ночь в звездах?» (цит. по: Русский модернизм. Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст. СПб., 2022. С. 403; публ. В. Н. Быстрова). Ср. также в его поэме «Лик человеческий» (1922): «Всё видимое — думаешь, — пустое? / Оно — как „ночь в звездах“, — всё золотое, / Всё голубое... Слушай: всё — точь-в-точь, — / Как там! в раю, — где — мы уже с тобою!» (Гиппиус В. Лик человеческий. Пб.: Берлин: Эпоха, 1922. С. 71).

²² Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 525.

²³ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 63.

²⁴ Возвращение. Из книги «Завет» Вл. Бестужева (1896–1906 г.). СПб.: Цех поэтов, 1912. С. 91.

²⁵ Имеется в виду публикация в 3-м сборнике «Сирин» цикла «Седое утро» (СПб., 1914. С. LIII–LXVII), в который вошли следующие стихотворения: «Художник» («В жаркое лето и в зиму метельную...»), «Как свершилось, как случилось?..», «О, нет! не расколдуешь сердца ты...», «Седое

Я написал возражение в стихах. Третье поучение. И — не послал. Потом Шура (брат, Александр Васильевич Гиппиус) прочел.

— Что это ты всё Блоку возражаешь?

— Такая уж судьба...»²⁶

Таким образом, полемика продолжилась в 1914 году. Под не посланным поэту «третьим поучением» подразумевается стихотворение «А. Блоку». Этот текст Вл. Гиппиус включил в свой, до сих пор не изданный сборник «Звезды днем» (раздел «Днесь»), рукопись которого хранится в архиве поэта в Пушкинском Доме. Сборник является третьей частью поэтической тетралогии «На семи путях».

Процитируем текст автографа стихотворения по последнему слою правки:

А. Блоку

*...Как иступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.*

Как сладко ты поешь! какие звуки!
Но как неверно дрогнула струна,
О милый брат, едва протянем руки,
Уже поет ответная весна.

Какая? здешняя? — всегда живая?
Нездешняя, — жива или мертва?
О, знаю, мы изгнанники из рая, —
Но поняты ли вещи слова?

Кто поднял меч? кто закружил самумы
Вокруг воздушно-чувственных садов,
Что это, сон? ах, не тверди, не думай,
Что мы дрожим в оцепененье снов.

Завеса пала — очи ослепила,
Завесу снимем — и опять в раю,
Ты слышишь, кружит огненная сила
И грусть и страсть ослепшую твою?

Мы иступленно протянули руки,
Но не оглохла ночь, Бог не оглох:
Но явственно тревожат наши звуки
Не мертвых, нет! (не верь, не верь разлуке!) —
Лишь утаенных в сумраке дорог.

5 мая 1914 г.²⁷

Эпиграфом послужила предпоследняя строфа блоковского стихотворения «О, нет! не расколдуешь сердца ты...» (1913).

Судя по всему, прежде всего этот текст вызвал отклик Гиппиуса. Важно учитывать, что в стихотворении Блока его слова обращены к лирическому адресату, пребывающему в неких снах, «красивых мечтах», но ищущему подлинной жизни.

Главный пункт расхождения двух поэтов сохранялся и в этом, пантеистическом, по сути, «поучении». Символической «весне небытия» Гиппиус противопоставляет

утро» («Утреет. С Богом! По домам!..»), «Как растет тревога к ночи...», «Я вижу блеск, забытый мной...», «Когда ты загнан и забит...» (заключительная часть 3-й главы поэмы «Возмездие»).

²⁶ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 63.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 77 (Вл. В. Гиппиус). Ед. хр. 9. Л. 130–131 об.

другую, «здешнюю весну». В его восприятии, «утешенные весной небытия» Блока — это какие-то духовные мертвецы, которые «в глухую ночь» ждут спасения. Но, уверял он поэта, они не мертвые, поскольку «ночь не оглохла, Бог не оглох». Они — просто блуждающие в ночи «странники», которым доступны животворящие «звуки». Стоит только протянуть им руки... Но ведь об этом и блоковский финал стихотворения: «Ты проклянешь, в мученьях невозможных, / Всю жизнь за то, что некого любить! / Но есть ответ в моих стихах тревожных: / Их тайный жар тебе поможет жить».²⁸ Этот «ответ» поэта-провидца — опора и надежда отчаявшемуся пессимисту, каковым сам Блок себя не считал, по крайней мере в то время.

Конечно, могут быть и другие трактовки гиппиусовского текста, который многозначен и не исчерпывается переключками со стихотворением Блока.

Почему Гиппиус не послал поэту свое «третье поучение», не опубликовал его? Во-первых, Вл. Гиппиус не мог не учитывать, что Блок в 1912 году никак не откликнулся на цикл из четырех стихотворений. Возврат к «диалогу» с очередным «поучением» мог восприниматься как нечто излишнее, докучное. Во-вторых, он, видимо, осознавал, что не стоит уже выступать в роли учителя поэта, авторитет, роль и значение которого возрастали с каждым годом.

²⁸ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 103.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-213-230

© К. А. Купян

НАД РУКОПИСЯМИ СТАТЕЙ ВЯЧ. ИВАНОВА.* ЧАСТЬ 1. «„РЕВИЗОР“ ГОГОЛЯ И КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА»

Огромный архив Вяч. Иванова разбирался и обрабатывался в течение нескольких десятилетий серьезными архивистами. Но, несмотря на все усилия, атрибутировать и описать все рукописи этого малоизученного тогда писателя было невозможно, и значительный их корпус после первой архивной обработки оставался неопознанным. Среди ивановедов за такими единицами закрепилось условное название «братских могил». В середине 2000-х годов коллективом исследователей была предпринята попытка максимально уточнить описание этого архива, на что был выделен грант. По ивановским материалам в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 609) эта работа была проделана знатоком Вяч. Иванова (особенно указанного фонда этого архивохранилища) Г. В. Обатниным; опись сейчас вводится в научный оборот. Что же касается Рукописного отдела РГБ (ф. 109), где хранится самая объемная часть архива писателя, то к ней приступила группа исследователей под руководством замечательного специалиста по творчеству Вяч. Иванова Н. В. Котрелева; но атрибутика так и не была проведена до конца во многом из-за огромного объема работы, на которую не хватило жизни ученого.

Поэтому условные названия единиц хранения и сейчас можно встретить в описях архива Вяч. Иванова, например, такие единицы, как «Заметки, выписки, наброски», «Наброски и заметки. Разрозненные листы», «Черновики статей (Отрывки, наброски и др.)» или несколько объемистых папок под заглавием «О Дионисе». Часто в названии использовалась первая строчка рукописи, например: «Статья о „театре будущего“ («В судьбах искусства коллективное проявление самобытных творческих сил народа...»)».¹ К настоящему времени эта рукопись опознана, оказавшись фрагментом (без

* Выражаю глубокую благодарность Г. В. Обатнину и А. Л. Соболеву за ряд ценных указаний.

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 5. № 6.